

Система полагала, что её отказ подействовал, и втайне выдохнула, но не тут-то было. В следующую же секунду в голове вновь зазвучал приглушённый бормотание Хуа Байхэ:

— Хм... вообще-то, для обеих это был первый раз, так почему же у Ло Шэн всё так здорово получилось?

Система молчала.

Она чувствовала себя круглой душой, раз недооценила бесстыдство Хуа Байхэ.

— И то, как хорошо она знает моё тело, и та сила, с которой она входила, и контроль над длительностью... она всё это делает так уверенно, будто это вовсе не её первый раз, — пробормотала Хуа Байхэ, цокнув языком, и стала ждать, пока Система просветит её.

Разумеется, вместо ответа Система просто заблокировала её.

В душе Хуа Байхэ наступила глубокая осень. Тяжело вздохнув, она, подобно одинокому волку, принялась размышлять в одиночестве: это Ло Шэн как главная героиня мира пользуется читами, или же у неё от природы такой талант?

Ло Шэн приготовила завтрак и вошла в комнату. Она ступала по мягкому ковру бесшумно, подошла к окну и раздвинула шторы.

Она уже собиралась подойти к кровати, чтобы разбудить свою спящую красавицу, но, приблизившись, обнаружила, что та закуталась в одеяло с головой, словно не боясь задохнуться.

Ло Шэн села на край кровати и слегка потянула за край одеяла, но тот не поддался.

Приложив больше усилий, она поняла, что та, кто прячется внутри, оказывает сопротивление. Ло Шэн смягчила голос и спросила:

— Не голодна?

Она знала, что Чэнь Кэинь с детства привыкла к строгому распорядку в семье дяди и всегда завтракала до половины девятого.

Человек под одеялом на мгновение замер, и Ло Шэн, воспользовавшись моментом, рывком откинула покрывало.

Свернувшаяся калачиком фигура предстала перед ней. Кэинь старалась спрятать лицо, прикрываясь руками, её глаза были крепко зажмурены, а щёки горели ярким румянцем — следом от недавнего пребывания в душном коконе.

Ло Шэн смотрела на этот розовый оттенок и вспоминала, как вчера вечером, со слезами на глазах, та качала головой и умоляла: Не надо... прошу тебя... я больше не могу. Тогда на её лице был точно такой же румянец.

Одного воспоминания о том жалобном, стонущем голосе было достаточно, чтобы внутри Ло Шэн снова вспыхнул жар.

Ло Шэн невольно понизила голос и с лёгкой улыбкой произнесла:

— Похоже, ты всё помнишь.

Девушка перед ней продолжала притворяться спящей, словно надеялась, что если не открывать глаза, то весь этот абсурд останется лишь дурным сном. Услышав слова Ло Шэн, она лишь слегка вздрогнула.

Даже если она пыталась игнорировать реальность, её тело уже впитало воспоминания о том, как эта женщина произносила те слова с улыбкой.

Заметив, что та пытается сбежать от действительности, Ло Шэн помрачнела, хотя её тон остался прежним:

— Что, больше не хочешь даже взглянуть на меня?

В её голосе всё ещё сквозила лёгкая усмешка, придававшая тону мягкость, но Хуа Байхэ отчего-то почувствовала, как внутри всё сжалось. Казалось, если она не подчинится, эта женщина снова утянет её в бездну.

Она дрожащими ресницами приоткрыла глаза, встретила со взглядом Ло Шэн на долю секунды и тут же отвела глаза в сторону.

— Как она вообще научилась так мастерски это делать?

Однако Ло Шэн истолковала этот взгляд по-своему: Чэнь Кэинь была шокирована вчерашними событиями и теперь испытывает к ней отвращение, раз даже привычной улыбки не осталось.

Столкнувшись с таким потрясением, она выглядела совсем поникшей, как прибитый морозом баклажан.

Сердце Ло Шэн сжалось от боли, но она знала: это результат того, чего она сама добивалась. Если бы Кэинь вчера не заговорила о переводе по работе, возможно, она бы не решилась на этот шаг сейчас. Но она осознавала, что этот момент неизбежен — вопрос был лишь во времени.

Она не жалела о том, что произошло вчера.

Теперь, когда всё зашло так далеко, ей оставалось лишь преподнести своё сердце на ладони и молить Кэинь, чтобы та, когда будет время, хоть раз взглянула на него — увидела, как глубока любовь, которую Ло Шэн хранила в душе.

После того как Хуа Байхэ отвела взгляд, Ло Шэн с горькой усмешкой протянула руку, поправила выбившуюся прядь волос у неё на виске, нежно посмотрела на неё и тихо сказала:

— Даже если ты злишься на меня, не стоит так обращаться со своим телом. Пойдём завтракать, хорошо?

Хуа Байхэ посмотрела на неё с лёгким изумлением:

Мы все получили одинаковое девятилетнее образование, откуда у тебя такие таланты? Ты даже готовить умеешь?

Ло Шэн же приняла это за удивление тем, что она снова стала мягкой и заботливой.

Впрочем, это закономерно: после того что случилось ночью, любая её ласка должна казаться Кэинь верхом лицемерия.

Ведь она уже дала согласие быть с Чэнь Вэньсянем, а на деле оказалась такой извращенкой, которая столько лет тайно желала подругу.

При этой мысли она сама себе стала противна.

Но как бы то ни было, то, что та согласилась съесть завтрак, приготовленный ею, уже было великим счастьем в сложившейся ситуации.

За столом царила почти идиллическая атмосфера.

Хуа Байхэ молча ела кашу, а Ло Шэн, сидя рядом, то и дело подкладывала ей закуски и даже заботливо почистила вареное яйцо.

Хуа Байхэ же была полностью поглощена вкусом блюд.

Невероятно! Каша с пидань и свининой не только получилась густой, но и ингредиентов в ней было не пожалеть: крупные кусочки пидань, волокна свинины, тонко нарезанная ветчина и её любимые сушёные морепродукты.

А самое главное — имбирь был нарезан крупными ломтиками! Не мелко порублен!

Хуа Байхэ ненавидела выковыривать из еды имбирную соломку или мелкие кусочки чеснока, которые невозможно убрать. Кулинарный талант Ло Шэн идеально угодил ей.

В этот момент в её голове елеяно прозвучал голос Системы:

— Ты ещё помнишь, что твоя задача — свести Ло Шэн и Чэнь Вэньсяня? Очнись, главная героиня не ты!

Хуа Байхэ, сделав глоток горячей каши, поперхнулась от внезапного голоса Системы и покраснела до корней волос.

Пока она сотрясалась в приступе кашля, Ло Шэн с тревогой похлопала её по спине, а затем вскочила, чтобы принести воды.

Когда Хуа Байхэ наконец пришла в себя, ей хотелось закатить глаза:

— Ты что, хочешь до смерти напугать своего отца?

Система почувствовала себя оскорблённой: мало того что Хуа Байхэ «загрязняет» её разум, так теперь она ещё и требует понизить её до статуса «сына»?

Ещё никто так не издевался над Системой. Обиженно надувшись, она снова в одностороннем порядке заблокировала Хуа Байхэ.

Пока Хуа Байхэ препиралась с Системой, она замешкалась, просто сидя с чашкой воды и не прикасаясь к ложке.

Ло Шэн, видя это, подумала: Раньше Кэинь молча ела, и я не была уверена, но теперь кажется, что ей действительно не нравится...

Ло Шэн пододвинула миску с кашей ближе к себе и спокойно сказала:

— Я впервые готовила завтрак, буду практиковаться больше. Если тебе не нравится, можешь прямо сказать, не нужно себя заставлять.

Хуа Байхэ: ...???

Подожди, так это была её первая попытка, а вкус такой, будто это пища богов? И ей всё очень даже нравится!

— Хочешь чего-нибудь другого? Я сейчас спущусь и куплю, — добавила Ло Шэн.

Хуа Байхэ покосилась на отодвинутую миску, открыла рот, желая что-то сказать, но запнулась. Наконец она решительно произнесла:

— Соевое молоко, жареные палочки ютяо, булочки с чашао, шаомай, спринг-роллы, курицу в клейком рисе и ещё порцию жареной рисовой лапши.

Она выпалила список на одном дыхании, не делая пауз.

Ло Шэн удивлённо посмотрела на неё, отчего Хуа Байхэ даже смутилась:

Ну что ты смотришь? Никогда не видела обжору?

Внезапно Ло Шэн прыснула со смеху.

Она встала, потрепала Хуа Байхэ по голове, взлохматив её мягкие волосы. Растрёпанные пряди придавали ей сонный, невинный вид, что было очень мило.

Сердце Ло Шэн дрогнуло.

Эта девушка... даже пытаюсь отомстить ей, заставить тратить деньги, чтобы хоть немного позлить, она выбирает такие безобидные способы. Купить завтрак — что в этом такого?

Её взгляд смягчился, и она ответила:

— Хорошо.

Перед тем как выйти, Ло Шэн, словно что-то вспомнив, обернулась и нежно, но с ноткой наставления произнесла:

— Если, вернувшись, я не обнаружу тебя дома, ты ведь не захочешь узнать, что будет, когда я тебя поймаю, правда?

Хуа Байхэ: ...

Она как в воду глядела.

Кто в здравом уме не захотел бы сбежать после такого?

Но сегодня суббота, Хуа Байхэ не нужно на работу, никаких планов нет, и предлога уйти она придумать не могла. Даже если она останется у Ло Шэн ещё на пару дней, никто не заподозрит неладное — соседи по квартире подумают, что она уехала домой, не предупредив, а семья дяди решит, что она не приедет на выходные, раз не звонила.

Увидев, как лицо Хуа Байхэ омрачилось, Ло Шэн со спокойной душой вышла за дверь.

Хуа Байхэ сидела за столом с унылым видом и позвала:

— Система...

Система, которая долго дулась, услышав призыв, подумала: Наконец-то ты вспомнила о важности задания и о своём папочке, — и буркнула:

— Что ещё?

Хуа Байхэ подпёрла лицо руками, глядя на миску с кашей:

— Как думаешь, если я сейчас тайком доем эту кашу, она заметит?

Система: ...

Будто она ничего не слышала.

Хуа Байхэ вздохнула, решив, что если только не стереть Ло Шэн память, это вряд ли возможно. Ей оставалось лишь думать, как вернуть сюжет в нужное русло.

Как заставить Ло Шэн переключить внимание с неё на кузена?

Прежде чем Хуа Байхэ успела «додумать» до облысения», Ло Шэн вернулась.

В руках у неё были не только пакеты с завтраком, но и мягкая игрушка ярко-зелёного цвета, которая показалась Хуа Байхэ до боли знакомой.

Это же Бульбазавр!

При виде него Хуа Байхэ вспомнила детство: дядя и тётя, не желая казаться предвзятыми, купили Чэнь Вэньсяню Пикачу, а ей — Бульбазавра.

Логику она понимала, но почему её игрушка должна быть такого «прощального» цвета?

Ло Шэн вложила зелёного улыбающегося Бульбазавра ей в руки, но увидела, что лицо Хуа Байхэ выражает грусть.

Хуа Байхэ смотрела на игрушку и спрашивала Систему:

— Видишь этот холмик у него на спине? Похоже на зелёную шапку моего кузена, да?

Ло Шэн, заметив её реакцию, почувствовала, как сердце пропустило удар.

Этот брелок был с Чэнь Кэинь со школы, потом в университете, а когда она начала работать и купила брендовый рюкзак, то перевесила его туда.

Ло Шэн подумала, что та очень любит эту игрушку. Сегодня, покупая завтрак, она увидела в витрине магазина игрушек такую же, как на рюкзаке Кэинь, и купила её.

Она не ожидала, что та не обрадуется.

— Не нравится? — несмотря на очевидную реакцию, она всё же решила спросить.

Хуа Байхэ понятия не имела, что Ло Шэн наблюдает за ней с такой дотошностью. На самом деле она не меняла брелок только потому, что была ленива, а во-вторых, это был подарок семьи дяди, и она хотела казаться послушной и верной традициям, чтобы набрать очков у старших.

Заметив разочарование в глазах Ло Шэн, она сухо ответила:

— М-м... нравится.

Ло Шэн всё-таки была её типажом, и расстраивать её не хотелось.

Однако Ло Шэн не повеселела: равнодушный тон девушки говорил сам за себя.

Может, Кэинь и правда нравится... Просто даритель — она, и поэтому вместо радости та чувствует лишь дискомфорт.

Ло Шэн потёрла переносицу, пытаясь скрыть свои чувства, поставила завтрак на стол и холодно сказала:

— Заждалась? Иди завтракать.

Хуа Байхэ, обнимая зелёную игрушку, подошла к столу и попробовала курицу в клейком рисе.

...Всё-таки та каша была вкуснее.

Она остановилась, осторожно подняла глаза на сидящую рядом Ло Шэн и, чтобы не быть принуждённой доедать всё это, решила переключить внимание:

— Шэн-шэн, мне сегодня вечером пора к дяде и тёте...

Подразумевалось: когда я смогу уйти?

Ло Шэн взглянула на неё, и в её глазах мелькнула молния.

Она так не терпит находиться рядом со мной?

Хуа Байхэ не знала, на какой нерв нажала, и инстинктивно отвела взгляд от её острого взгляда, когда услышала холодный голос:

— Могу ли я понять это так, что ты не хочешь провести со мной ни секунды больше?

Хуа Байхэ уже хотела выпалить: Конечно нет! Я обожаю быть с тобой!

Её идеал тоже любит её, и она сама готова была встречаться с Ло Шэн.

Система зловеще напомнила: Похоже, ты больше не хочешь выполнять задание.

Хуа Байхэ проглотила слова.

Ведь после выполнения задания она получит сто миллионов и вернётся в свой реальный мир. Это её настоящий мир.

Ло Шэн видела, как та сдержалась, не договорив. Очевидно, о том, чтобы посидеть вместе, не было и речи — хорошо ещё, что Чэнь Кэинь не начала её проклинять.

Сердце Ло Шэн медленно остывало.

Сделав несколько вдохов, она неторопливо задала вопрос, который полностью лишал собеседницу возможности сопротивляться:

— Как думаешь, если дядя и тётя узнают, что ты любишь Чэнь Вэньсяня, какая будет их

реакция?

Хуа Байхэ, услышав такое оскорбление своего вкуса, в недоумении уставилась на неё. Лицо её сменило цвет с бледного на синий, а затем вспыхнуло красным:

— Ты лжёшь!

Это ты любишь Чэнь Вэньсяня! Вся твоя семья любит Чэнь Вэньсяня!

Но для Ло Шэн эта реакция стала лишь подтверждением её догадок.

В её сердце разгорелось пламя ревности, но внешне она сохранила холодность:

— Похоже, ты не очень голодна. А вот я проголодалась, как раз время обеда.

Сказав это, она встала, подошла к Хуа Байхэ, подхватила её вместе с игрушкой и направилась в спальню.

Когда та попыталась вырваться, Ло Шэн бросила:

— Если хочешь завтра не встать с кровати, можешь продолжать брыкаться. Только потом не плачь и не умоляй меня остановиться.

Хуа Байхэ услышала в своей голове праздничный салют — ей даже стало интересно, каково это — не встать с кровати на следующий день.

Поэтому, следуя своему амплуа «непокорного белого цветка», она решительно оказала сопротивление и, как и следовало ожидать...

Была жестоко наказана.

Белые тонкие пальцы впились в красное покрывало, оставляя лишь смятые следы, а по комнате разносились всхлипы.

Среди смятых простыней холодная фигура сидела на краю кровати, наблюдая за ней. Её взгляд был таким же, как она сама: рациональным, спокойным и даже безжалостным.

— Половина восьмого. Пора собираться к дяде и тёте на ужин, — она взглянула на будильник и небрежно бросила фразу.

Услышав это, та, что барахталась в постели, резко подняла голову. В её глазах больше не было упорства, лишь мольба.

Ло Шэн услышала её слабый голос, полный муки от невыносимого желания:

— Шэн-шэн... не надо так... прошу тебя, не...

Хуа Байхэ действительно не могла больше терпеть. Она не помнила, сколько раз умоляла её, но Ло Шэн, похоже, была настроена решительно и оставалась глуха к её мольбам.

Поскольку её левая рука была прикована к изголовью, Хуа Байхэ с огромным трудом дотянулась до края кровати, где сидела Ло Шэн, и, словно хватаясь за соломинку, вцепилась в подол её платья.

Она не хотела, чтобы та уходила, боялась, что та выставит её постыдную тайну на всеобщее обозрение.

Хуа Байхэ подняла голову, её взгляд был полон страдания, а разум затуманился от запредельного возбуждения.

Губы были искусаны до крови, в глазах стояли слёзы. Хуа Байхэ выглядела жалко.

Ло Шэн накрыла своей рукой её ладонь, сжимавшую подол, и несколько раз погладила её. Когда в глазах девушки забрезжил огонёк надежды...

Она один за другим разжала её пальцы.

Свет в глазах Хуа Байхэ погас.

Сменившись отчаянием.

Она невольно качала головой, бормоча: Нет, нет...!

Ло Шэн стояла у кровати, бросив на неё холодный взгляд. В сравнении с идеально опрятной одеждой Ло Шэн, та, что лежала в постели, казалось, тонула в собственном стыде.

Ло Шэн неторопливо произнесла:

— Старшие пригласили, я не могу опоздать. Мне пора.

— Жди меня здесь, пока я не вернусь.

Вскоре Хуа Байхэ увидела, как дверь комнаты закрылась, унося с собой все её надежды. Каждая секунда после ухода Ло Шэн казалась бесконечной пыткой.

Полчаса спустя.

За столом в доме Чэнь царила гармония.

Дядя Чэнь, Чэнь Чжань, был человеком в возрасте, и суровость, сопровождавшая его в молодости, теперь превратилась в глубокие морщины у рта.

В молодости у него был тяжёлый характер, но к старости он стал подобен улыбающемуся Будде. Глядя на то, как Чэнь Вэньсянь заботливо накладывает суп Ло Шэн, он словно видел себя и свою жену в молодости.

<http://bllate.org/book/22171/2309611>